

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
А47

Серия «Виноваты звезды»
Дизайн обложки: *Юлия Межова*

А47 **Алексеева, Наталия Владимировна**
Сестренка в собственность, или Виновато фото / Наталия Алексеева. — Москва: Издательство АСТ, 2019. — 285, [1] с. (Виноваты звезды).

ISBN 978-5-17-118643-2

Валерия учится в выпускном классе и мечтает стать звездой танцевальной сцены.

Случайное знакомство и цепь необдуманных решений приводят ее в жуткий заброшенный особняк. Кто настоящий хозяин дома? Какую страшную тайну скрывает запертая дверь? Почему мертвая девушка, появляющаяся в зеркалах, так похожа на пока еще живую Валерию? И почему во всем виновато фото?

© Наталия Алексеева, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Когда за ней захлопнулась дверь, девушка не помнила. Возможно, вчера, а возможно, много дней назад. Воспоминания смешались и ухнули в черную воронку. Непроницаемая темнота окружала ее. И все та же ватная тишина.

Есть уже не хотелось — голод превратился в боль, а жажда приклеила язык к нёбу. Она больше не кричала — силы покинули ее. Тонкие пальцы с обломанными ногтями вцепились в порог, а потрескавшиеся губы сжались в предсмертной судороге.

С последним вздохом душа ее вырвалась на волю и, минуя преграды, устремилась прочь. Но тонкие нити, крепко связывавшие ее с телом, не отпустили. Одинокая и напуганная, она обрела пристанище в зазеркалье.

Глава 1

ЧЕРНО-БЕЛАЯ КАРТИНКА

Вмешательство лунного медведя избавило меня от заточения в призрачном замке. Это я теперь понимаю, что медведь был реальным человеком, а замок — загородным коттеджем. Но тогда мне все казалось ненастоящим. А началось все с листовки о розыске.

Помню, я стояла в школьном холле и тарасилась в объявление на стенде меж двух колонн. Подошла сюда, чтобы прикрепить сообщение о наборе в стрит-дэнс-студию, да так и залипла. Плохая копия объявления о розыске приковала мое внимание.

Мимо сновала суетливая мелкота, бестолково носились пятиклашки и степенно шествовали на урок девы из параллельного одиннадцатого. Из столовки веяло свежими булочками, а с черно-белой фотографии грустно улыбалась девушка с ультракороткой стрижкой.

— У! — Кто-то жестоко ткнул меня в бок так, что я взвизгнула, дернулась и выронила свой листик.

— Таська! — возмутилась я, потому что недостойно так поступать с лучшей подругой — налететь вне-

запно и со спины. — Поганка, что ты делаешь! Ненавижу это!

— Чего ненавидишь? Вот это? — И она еще разок прошлась по моим ребрам.

Я довольно чувствительно шлепнула ее по пальцам.

— Что ты там увидела? — Пока я нагибалась, чтобы подобрать свой листок, она бесцеремонно влезла передо мной и вперилась в стенд.

Я не обиделась. Как можно обижаться на человека, который на целую голову ниже, знает тебя вдоль и поперек, да еще и является твоей опорой и поддержкой с самого первого класса?

— Валери, и чего ты тут зависла? Сейчас звонок будет! Любаша нам опоздания не простит. Тем более в первый же понедельник учебного года, — Таська нетерпеливо выдернула у меня из рук объявление о наборе, сорвала со стенда ксерокопированную фотку и сунула мне. — Никому это старье уже не интересно! — заявила она, бросив взгляд на фотографию. — Когда эта девчуля там пропала? Уже год в розыске, и никто ее не ищет, — подруга возмущенно фыркнула и цветными кнопками плотно приконопатил мое объявление на освободившееся место.

Вот всегда она так — пока я раздумываю, рефлексую, разглядываю что-нибудь, Таська хватает и делает. Не факт, конечно, что качественно, но делает же! Она хоть и коротышка, но чрезмерно бодрая. Энергия у нее плещет аж через край. И ярко-огненные волосы, торчащие в художественном беспорядке, олицетворяют ее неумную натуру.

Вот, например, не далее как вчера она уговорила меня сделать необычную прическу. Для меня — на все

сто необычную. Я всегда ношу распушенные — мне мои волосы очень нравятся: редкий пепельный цвет от мамы мне достался, и только в школе хвост завязываю, чтоб не придирались.

Но Таська сказала что-то вроде: «Тебе пойдет» и «К твоим вишневым зеркалам души — самое то!» И не поленилась же — весь воскресный вечер убила: сама плела мне эту тысячу тоненьких косичек, благо длина моих волос, до лопаток, позволила. А потом каждую раскрасила в разные цвета. Так что теперь я являла собой нечто среднее между якутским шаманом, Снуп Доггом и Шакирой с афрокосячками.

Обычно я Таську уравниваю. Но вот сегодня, похоже, она меня переборолла, и мы понеслись через две ступеньки, невзирая на вопли коридорного цербера, в кабинет истории.

Класс был полупустой, но задние парты оказались уже забронированы сумками и торчащими кое-где одинокими фигурами одноклассников. К счастью, Любаша еще не пришла, и мы плюхнулись на предпоследнюю парту. Прямо перед Максом Вербицким — мрачным выходцем из потусторонних миров. Сам темноволосый, вечно ходит в черном и всегда хмурый. Никогда не видела, чтобы он улыбался. Да и с чего ему веселиться? Репутация у него в школе — не дай боже! Хотя толком никто про него ничего не знает — все основывается на историях пятилетней давности и нелюдимости Вербицкого. Слухи о нем ходят разные, но общаться с ним — все равно что публично признать за собой принадлежность к уличной банде. Друзей в

классе у него нет. Впрочем, в нашем классе это не редкость, мы с Таськой, скорее, исключение.

За неимением лучшего места, мы швырнули сумки на парту. Вербицкий посмотрел на меня и хмыкнул, что, видимо, означало у него крайнюю степень веселья. Начали подтягиваться одноклассники. И практически каждый оглядывался на меня.

Когда Любаша вплыла в кабинет, она тоже обратила свой взор в мою сторону. Ну, по-другому и быть не могло, и я заранее приготовилась ко всеобщему вниманию, когда соглашалась на вчерашний Таськин эксперимент. Внимание я ценю в любом виде: восхищение и поклонение, зависть и ненависть. Но не насмешки! Не ожидала, что это будет так неприятно. Одно дело, когда тобой восторгаются, другое — когда оценивают. А то еще и ржут над тобой.

— Тихонова Валерия, — Любаша шмякнула журнал на стол, и он сам собою раскрылся на нужной странице, — что у тебя за «скитлс-стайл» на голове?

Я притворилась глухонемой.

— Встань, когда к тебе обращается учитель, — сама же она грузно опустилась на стул. — И отвечай, когда тебя спрашивают.

— А что такое? Все должны под одну гребенку быть? — попыталась защитить свое творение Таська.

— Шевцова Анастасия, ты бы лучше помолчала, огневушка-поскакушка наша, — размеренным голосомотреагировала училка. — Тебе гребенка точно не помешает.

Как Любаше удастся оставаться меланхоличкой, будучи нашей классной, не понимаю. Природный дар,

наверное. Под ее взглядом Таська медленно начала сползать под парту.

— Это самовыражение, Любовь Юрьевна, — мне пришлось отбросить ампула Бетховена.

— Дай-ка сюда дневник, я тоже самовыражусь, — пообещала классная. — А мама твоя пусть почитает.

— А вы думаете, она меня не видела? — Я потащила через весь кабинет, чуть притормозила у первой парты, где, завесившись темно-русой челкой, обретался Гор. Кажется, он единственный, кто на меня сегодня даже не взглянул. А ведь мог бы и поинтересоваться, что такое со мной происходит и чего это классная ко мне докопалась. Но он сидел, уткнувшись в телефон. Наверное, перелистывал фотки своих любимых рэп-музыкантов или строчил тексты для будущих битов.

Остаток урока прошел без эксцессов, если не считать того, что, когда я вернулась на свое место, Вербицкий дернул меня сзади за волосы, привлекая внимание, чего за ним раньше не водилось. Но мало ли — целое лето прошло. Кто знает, что у этого мизантропа в голове делается. Может, он перевоспитался. Я обернулась.

— Лерка, — Макс прищурил левый глаз и навалился на парту, стараясь податься ближе, — в цирке работать собралась? На фига в одиннадцатый пошла? Метнулась бы сразу в цирковое училище.

А, нет. Все как было — не перевоспитался, остался все тем же человеконенавистником.

— Дурак, — сказала я. — Отвали.

После большой перемены намечалась физкультура, поэтому мы с Таськой не стали заморачиваться обедом, а наскоро закусили теплыми булочками с корицей. Школа у нас так себе, не самая престижная в районе, а вот булочки с корицей тут пекут просто замечательные — в меру сладкие, мягкие и ароматные.

Но Таська съела только одну, потому что вечно на диете. А я — три, мне все равно, на репетиции так вымотаешься, что про лишний вес и речи не идет.

Когда мы зарулили в раздевалку, там уже вовсю шло обсуждение парней. Кто вырос, кто похорошел, кто, наоборот, пострашнел. Я в этом участие принимать не стала: не люблю свои пристрастия напоказ выставлять. Тем более что один из объектов сплетен — мой бывший. И я представляю, как все наши курицы радуются, что теперь уже бывший.

Мы были одной командой: Гор, я и Таська. Изредка милостиво брали в свою компанию особо страждущих, благо в них недостатка не было. Почти целый год мы были самыми заметными и обсуждаемыми людьми в школе. Даже называли себя на иностранный манер: Настя у нас стала Тэсс, я — Вэл или Валери, а Егор — Гором. Тусовались мы оторвано: ночные клубы и дискотеки, концерты и фестивали. Мама едва переносила мой образ жизни, но я старалась задобрить ее хорошими оценками и примерным поведением. А потом все рухнуло, и мы перестали общаться. Таська мне этого до сих пор простить не может. Мы переоделись и вышли на улицу. Погода стояла отличная — сентябрь в Питере гораздо лучше июня. Я остановилась на крыльце,

Таська рядом. Мы наслаждались атмосферой. Легкий осенний ветерок никоим образом не колыхал мои дурацкие косички. Вдруг Таська толкнула меня в бок. Ну что за гадкая манера!

— Смотри, новенькая в параллельном!

Действительно, девочку было трудно не заметить: прямые иссиня-черные волосы до плеч, косая челка на один глаз, фарфоровая кожа. В ослепительно-белой толстовке и таких же кедах.

— На японку похожа, — оценила я, и мы отправились на построение, пожалев физрука.

Он так натужно дул в свисток, призывая классы, что приобрел цвет спелого баклажана, глаза же, напротив, напоминали пару незрелых яблок-антоновок.

Обычно физрук мужик нормальный, тем более у нас — девочек — занятия ведет крайне редко. Вот как сейчас. Наша-то училка в декрет летом ушла, а замену еще не подобрали. Остапчук — Стопка, как его прозвали за созвучие фамилии и трепетной любви к данному предмету посуды — вынужден сегодня вести уроки и у парней, и у нас. Да еще и у обоих параллельных сразу. Вот он и распсиховался.

Построил девок с одной стороны футбольного поля, мальчишек — с другой и метался между. Я, конечно, воспользовалась ситуацией и бросила взгляд на шеренгу парней.

Гор — Кисличенко Егор — оказался рядом с Вербицким. О-оу, взрывоопасная смесь. Эти двое друга друга с шестого класса не выносят. С самого первого дня, как Макс появился в нашем классе. Но тогда Вер-

бицкий росточком намного меньше Егора был. Зато сейчас, смотрю, перегнал. Да к тому же Макс заметно возмужал. Если, не дай бог, сцепятся, то Кисличенко точно кранты. Несмотря на всю его увертливость.

А Гор все такой же: стройный, гибкий и неудержимо привлекательный. Не только для меня. Когда он по школе идет, у девчонок, кто старше восьмого, только что слюни не капаят. А ему все равно: в ушах таблетки наушников, и не слышит он девчачьи причмокивания, а на их ресничные похлопывания просто внимания не обращает. А может, только вид делает, что равнодушен к подобному проявлению чувств. И как меня угораздило с ним расстаться? Все из-за одного его предложения, которое я так и не решилась принять.

Я все смотрела и смотрела. Интересно же, как он там? Хоть мы и разошлись, но как-то без объяснений, разборок и расставления точек над известными буквами. Даже и не совсем ясно: мы точно не вместе? Но, судя по тому, что он на меня за эти дни ни разу не взглянул, — точно.

Вдруг боковым зрением я заметила какое-то мельтешение на дальнем краю девчачьей шеренги. Таська всеми мыслимыми и немыслимыми способами подавала мне сигналы, чтобы я прекратила пялиться на Кисличенко и не позорилась на глазах у всех.

На мое счастье, Стопка погнал нас круги по стадиону наворачивать, а парней оставил в футбол играть.

Мы с Таськой обогнули школу и подперли кирпичную прохладную стенку, скрытые от не самого бдительного ока физрука.

— Валери, что делать думаешь? Надо как-то выравнивать ситуацию.

Таськин оранжевый спортивный костюм ярким заревом контрастировал с серой кирпичной кладкой, как и сама она вечно выделялась на фоне однообразной толпы.

Я пожала плечами. Чего я буду объяснять лучшей подруге то, что она и сама прекрасно знает? Драма разворачивалась у нее на глазах, можно сказать. А ведь все у нас с Гором так хорошо сперва складывалось!

В начале прошлого учебного года, после осенних каникул он неожиданно подвалил ко мне с просьбой помочь ему по химии. Зачем ему нужна была химия — непонятно, похоже, просто как повод. Потому что дальше он вел себя как ошалелый: таскался за мной везде, на все мои выступления приходил, к себе на записи приглашал.

Я и не заметила, как стала его постоянной спутницей и предметом ненависти большинства девиц нашей школы.

— Вэл, я от тебя без ума, — дышал мне в ухо в подъезде, провожая после репетиции, — мы как две ноты в одной мелодии.

Кто бы мог подумать, Кисличенко — романтик!

Но, как две совершенно разные ноты, мы часто входили в диссонанс, и тогда это было похоже на истерическую какофонию звуков — ругались мы надрывно и эмоционально. Я до сих пор храню нашу безумную переписку в телефоне. Иногда перечитываю, растравливая себя воспоминаниями.

Наши отношения стремительно начались, бурно разворачивались, но очень резко закончились. Сразу после десятого класса. А в июне мы с мамой укатили на юг.

И теперь придется что-то делать, попытаться восстановить статус-кво, потому что терпеть такой удар по репутации я не намерена.

Я очнулась от воспоминаний, пнула Таську, забывшую обо мне и залипшую в телефоне, и мы отчалили.

— Валери, хватит страдать. Сделай что-нибудь. Напиши ему, позвони. Разреши уже ваши непонятки! Принимай решение!

— Не могу.

Мы медленно трусили к стадиону.

— Ты же хочешь его вернуть?

— Хочу, — я разве что не плакала.

— И я хочу! Начни действовать! — требовала Таська.

— Не могу. — На меня будто ступор какой-то нашел. Ну не знала я, что делать в такой ситуации и как поправить рухнувшее в один миг взаимопонимание!

Подруга моя была одной из немногих, на кого Гор не производил чарующего впечатления. Ее больше привлекала возможность таскаться по клубам, потому что Кисличенко мог устроить бесплатный проход почти куда угодно. А Таську хлебом не корми, дай потушить. Да еще на халяву.

Тут мы вывернули к футбольному полю, и я чуть не растеряла все свои жизненно важные органы.

На поле, привалившись с одной стороны металлической сетки, стоял Егор, с другой стороны —

новенькая Японка из параллельного. Судя по лицам, они вели приятную светскую беседу, плавно переходящую во флирт. Знала бы я, что так случится, прозвала бы ее Чукчей.

— Отвернись и дыши, — прошипела мне Таська.

Остаток физры я, сославшись на заболевший живот, провела в школьном туалете, горестно обгладывая кости потерянных отношений, зализывая раны разодранного тщеславия и проклиная дебилские косячки, которые меня не украшали. В общем — злясь на весь мир.

Но, как я вынесла со своих занятий уличными танцами, даже если ты проигрываешь, нельзя терять лицо. Ни-ког-да. Домой я уходила с внешним бесстрашием Будды.

— Валери, — подпевала мне в такт Таська, — с твоими данными убиваться просто глупо. Посмотри вокруг: толпы желающих познакомиться с такой красотой. Найди кого-нибудь, пусть Кисличенко приревнует, и — вуаля, он снова твой. И опять начнем тусить не по-детски, — засмеялась она.

Я что-то подобных страждущих, стоящих в очереди за моим вниманием, не наблюдала, но предпочла не спорить.

Мы с Таськой живем в одном подъезде, поэтому всю эту подбадривающую чушь и мечты о будущих тусовках я слушала до самого дома.

В парадной нашей хрущевки пахло пельменями — кто-то из соседей готовил обед. Я распрощалась с Таськой на втором этаже и взлетела на свой пятый. Мама была дома, на сутки ей только завтра. И оказалось,

пельменный обед готовила именно она. Ну и прекрасно, обожаю полуфабрикаты. Я совершенно не зациклена на здоровом питании, здоровом образе жизни и еще на чем-то там здоровом. Хорошо, что и мама тоже, иначе бы мне совсем тяжело жилось. Потому что мама зациклена на правильном и позитивном мышлении. А выливается это в то, что я просто обязана хорошо учиться и планировать свое будущее в верном направлении.

Она выглянула из кухни и повозила ладонями по переднику с веселенькими утятами, смахивая муку.

— Леруня, быстренько мой руки — и за стол. У меня новость! — и убежала обратно.

Я полюбовалась ею со спины: в домашних бриджах и футболке она казалась моей ровесницей. Ей тридцать пять, но нас этим летом в Турции за сестер принимали. Правда, все больше турки, но и наши иногда подкатывали. Маме было приятно, я видела.

Быстренько скинув свои любимые «Конверсы», я ушла к себе переодеваться. Через минуту сидела в нашей пятиметровой кухне за столом, покрытым нежно-голубой скатертью. На нас двоих с мамой такой кухни вполне достаточно. А когда она уходит на сутки, даже с избытком. Не люблю быть дома одна, но что поделаешь. Раньше с нами жила бабушка. Она до жути обожала смотреть бандитские сериалы и фэнтези-фильмы. И, наверное, от нее мне передалась такая сильная любовь к сказкам и волшебным историям. А вот кровавые разборки на экране мне как-то не понравились. Мы часто проводили вместе вечера, но, когда мне было лет одиннадцать, бабушка вышла замуж и переехала в Великий Новгород.